

Если к загадке добавить любовь, и все это
обильно присыпать юмором, а затем хорошо
перемешать, то получится

Узыцкий детектив

Галины Куликовой



Гарем покойников
Похождения соломенной вдовы
Вечная Золушка, или Красивым жить не запретишь
Будьте моей вдовой, или Закон сохранения вранья
Рецепт дорогого удовольствия
Салон медвежьих услуг
Рога в изобилии
Выжить среди мужчин, или Дырка от бублика
Правила вождения за нос
Сумасшедший домик в деревне
Скажи боссу «нет»,
или Секретарша на батарейках
Кто не спрятался – тот виноват,
или Витязь в овечьей шкуре
Пенсне для слепой курицы
Не верь глазам своим, или Фантом ручной сборки
Ключ от черствого сердца, или Леди из нержавеющейки
Брюнетка в клетку
Держи карман шире, или Нагие намерения
Эрос пленных не берет
Миссия на краю света, или Бессмертие оптом и в розницу
Смерть на высоких каблуках, или Элементарно, Васин!
Копия миллионера
Хедхантер без головы
Не царское дело

Коллекция ночных кошмаров
Заклинательница зла, или Пакости в кредит

Если вы не влюблены
Женские штучки, или Мир наизнанку
Два ужасных мужа
Французская вдова
Охотники на русалок

•
Сериал «Пиковая дамочка»

Рукопашная с купидоном
Блондинка за левым углом
Вуду для «чайников»
Лига звездных негодяев, или Неземное тело

•
Сериал «Хвост с пистолетом. Приключения
сыщика Арсения Кудесникова»

Муха на крючке
Рыцарь астрального образа
Кошачий патруль

•
Сериал «Ваш личный детектив»

Сабина на французской диете
Сабина изгоняет демонов

•
Сериал «Сильвестр Бессонов —
детектив на диване»

Банановое убийство
Клубничное убийство
Шоколадное убийство

Г·А·Л·И·Н·А
КУЛИКОВА

Засада на белой полосе,
или Пенсне для слепой курицы



Москва  2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К90

Разработка серийного оформления *С. Прохоровой*

Куликова, Галина Михайловна.

К90 Засада на белой полосе, или Пенсне для слепой
куруцы : [роман] / Галина Куликова. – Москва :
Издательство «Э», 2015. – 320 с. – (Изыщный де-
тектив от Галины Куликовой).

ISBN 978-5-699-83248-4

На что способна женщина, если ее по-настоящему рассер-
дить? А четыре рассерженные женщины?.. Марину Заботину по-
хитили и потребовали писать доносы на шефа, преуспевающего
бизнесмена. Марина отказалась, и уже на следующий день при
странных обстоятельствах умер ее муж. Самоубийство! – утвер-
ждает милиция. Бред! – считает Марина и сколачивает отряд бы-
строго реагирования из трех возмущенных дам, которых постигла
та же участь...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-83248-4 © Куликова Г.М., 2015
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015



Диета! Многим женщинам знакомо это емкое слово, вмещающее в себя литры обезжиренного кефира, чай из шиповника, огурцы, приправленные простоквашей, и грезы о жареном цыпленке, ватрушках и мороженом. Когда началась эта история, я как раз сидела на диете, именно поэтому все произошедшее стопроцентно ассоциируется у меня с чувством голода.

Собственно, на диету я села ради своего мужа Матвея — человека благородного происхождения, достаточно известного в Москве композитора. Он вращался в тех кругах, где водились певицы, модели и актрисы всевозможных размеров и оттенков. Чтобы вовсе не выйти в тираж, я начала безжалостную борьбу со своим сорок восьмым размером. Когда становилось совсем невмоготу, я жевала «Орбит», и фантиками от него к концу второй недели можно было оклеить бывший Колонный зал Дома союзов.

Кстати сказать, Матвей ни капельки не ценил моих усилий. Его даже веселила моя молчаливая дуэль с холодильником.

— Ну, что? — спрашивал он, небрежно бросая свой белоснежный пиджак на спинку кресла. — Весы все еще зашкаливают?



Впрочем, он считал, что женщинам следует прощать абсолютно все. По причине их врожденной умственной ограниченности. Женщина, полагал Матвей, должна доставлять эстетическое удовольствие, не более того. Я не сразу разобралась в его варварской философии, а когда разобралась, вступать в полемику уже не хотелось. Звезды больше не загорались в моих глазах при взгляде на его высокий лоб, римский нос, зеленые глаза, в которых светилась искра божья, и соломенные волосы, спускавшиеся ниже воротничка рубашки. Он зачесывал их назад, как Александр Годунов, и, кажется, делал это специально, потому что ему нравилось сходство.

Несмотря на отсутствие детей, мы не развелись. У каждого из нас были на это свои причины. После смерти родителей я долгое время жила одна и невзлюбила одиночество пуще неволи. Я боялась темноты, почти не спала ночью, если рядом никого не было, и ненавидела возвращаться в пустую квартиру. Поэтому Матвей казался мне хоть каким-то выходом из положения. Он создавал в доме «эффект присутствия», который пока что перевешивал все остальное.

Матвей, в свою очередь, тоже нуждался в такой жене, как я, для того, чтобы во всяком обществе выглядеть достойно. Неженатого композитора, ясное дело, или заподозрят в склонности к своему полу, или примутся осаждать нахальные девицы, мечтающие о выгодном браке. Известно, что у каждой из них хватка бультерьера. Увлекающийся



Матвей опасался проявить слабость в неподходящий момент. Так что я была его «крышей». Для этой цели я подходила стопроцентно — у меня были сносная внешность и университетское образование. Что касается любви, то она бежала из нашего дома примерно год назад. Наверное, тоже узнала об изменах Матвея — наглых и красиво обставленных.

Говоря по правде, мне на это наплевать, потому что я влюблена в своего нынешнего шефа Горчакова. Я считаю его верхом совершенства, но он безнадежно женат. На работу меня устроил Матвей полгода назад, когда ему показалось, что я заскучала. Он попросил своего приятеля, с которым еженедельно парился в бане, пристроить куда-нибудь журналистку, не имеющую опыта работы. Приятель, недолго думая, позвонил Горчакову, который был ему чем-то обязан, и через два дня я уже имела свой стол в офисе фирмы под названием «Альбина». Горчаков понятия не имел, куда деть лишнего и абсолютно бесполезного сотрудника, поэтому должность для меня ему пришлось придумать. Так я стала его помощницей.

«Альбина» — полиграфическое предприятие, малое, но конкурентоспособное. Меня грела мысль о том, что со временем шеф поймет, что к моему телу, кроме длинных ног, еще приставлена какая-никакая голова. Гораздо позже я поняла, что надо было начинать именно с ног.

Кроме меня, в офисе сидела еще секретарша. У нее роскошное имя Олимпиада и смешная фа-



милия Бумажкина. Все зовут ее просто Липой. Она девушка невысокая и в теле. Если кто и подбирал ее на должность секретарши, то, конечно, жена Горчакова. К такой, как Липа, трудно приревновать. Она отличается стойким равнодушием к мужчинам, обладает оптимизмом и некоторой долей врожденного хамства: ни одну реплику не оставляет без ответа. Считается, что она цинична, хотя на самом деле Липа, как мне кажется, просто большой испорченный ребенок. Шефа она тем не менее уважает, а ко мне относится без всякой враждебности. И я это ценю.

Все началось в пятницу. Ничто не предвещало беды. Горчаков после обеда в офисе отсутствовал, и мы с Липой немножко расслабились. Когда шеф позвонил и сказал, что сегодня не придет, она предложила:

— Можешь уйти пораньше.

Сама она не имела права бросить телефон ни на минуту. Я с благодарностью приняла предложение и, поправив макияж, тронулась в сторону метро. В тот день должен был состояться последний семинар из цикла «Как изменить свою жизнь», куда я записалась в приступе жалости к себе. Но на семинар в тот день я так и не попала.

В Москве стояло лето — было так жарко, что каблуки вязли в асфальте и весь город бился в духоте, словно горячечный больной, жаждущий воды и прохлады. Едва я вышла из офиса и сделала несколько торопливых шагов, как услышала позади урчание мотора. Меня обогнала светлая иномар-



ка — серебристая и длинная, словно рыбина. Она затормозила чуть впереди, мгновенно открылись обе дверцы, и на свет божий появились двое парней, похожие друг на друга, как близнецы. Светло-серые брюки, белые рубашки с закатанными до локтей рукавами и узкие галстуки, одинаковые стрижки, невыразительные глаза. «Двойняшки» улыбались. Я тоже стала улыбаться, потому что шли они ко мне.

Правда, улыбка — это единственное, что я успела им продемонстрировать. Потому что в следующую секунду меня с двух сторон взяли под белы ручки и потащили к машине. «Вот почему жертвы похищений никогда не кричат, — пронеслось у меня в голове. — Они просто не успевают сообразить, что происходит».

— Помогите! — только и успела пискнуть я. Но было уже поздно.

Я оказалась на заднем сиденье иномарки, зажата между похитителями-«близняшками». Шофер — человек в каскетке и темных очках — даже не обернулся. Он сразу же тронул машину с места. Только что я стояла на тротуаре возле своего офиса, а теперь нет меня. Ищи-свищи.

— Не волнуйтесь, — не поворачивая головы, сказал тот из «близнецов», что сидел справа.

Говорил-то он мягко, но держал меня так, что после его пальцев на руке обязательно останутся синяки. Если это вообще будет иметь в моей жизни какое-то значение...

«Слава богу, они не горцы, — в первую секунду с облегчением подумала я. — И я не стану еще од-



ной безымянной кавказской пленницей». Но потом услужливый мозг подсказал, что и соотечественники вполне могли взять меня в качестве заложницы, чтобы самым банальным образом выколотить из Матвея деньги. У него было припрятано кое-что на черный день, и догадаться об этом, учитывая его образ жизни, особого ума не требовалось. Я со страхом поняла, что муж может запросто отказаться платить, понадеявшись на милицию, и после бесплодных переговоров с ним меня бросят в какую-нибудь канаву. Уже мертвую, естественно.

Во рту мгновенно пересохло.

— Куда вы меня везете? — выдавила я из себя.

Понятное дело, мне никто не ответил. Пугало, что мне не завязали глаза. Подобная беспечность означала только одно — живой меня отпускать не собираются. Сердце мое сначала нырнуло в пятки, потом вернулось обратно, но уже совершенно в другом состоянии — оно колотилось о ребра с отчаянием узника, требующего немедленной свободы.

Странная это была поездка! Мы сидели на заднем сиденье втроем, держась за руки, как добрые друзья. Я озиралась по сторонам и хлопала глазами, как сова, которую вытащили из дупла среди бела дня. Дорога была мне знакома — именно по ней мы с Матвеем ездим на Клязьминское водохранилище, где у нас есть дача. Могло ли знание пути помочь мне в дальнейшем? Вряд ли. Меня одолевали плохие предчувствия...

Через некоторое время я снова отважилась за-



дать вопрос, пристально поглядев на каждого из моих безмолвных стражей.

— Зачем я вам нужна, мальчики?

— Надо поговорить, — произнес тот, что сидел слева. — Просто поговорить, не бойтесь.

Ничего себе — «не бойтесь»!

— Вам предстоит встретиться с одним человеком, — добавил тот, что справа. — Он сам все объяснит.

— Денег у нас в семье нету, — сообщила я, зажмурившись от ужаса. — Они, конечно, были. Но я их все пропила. Алкоголизм, знаете ли, ужасная штука...

В ответ — ни звука, и меня тотчас начало тошнить от страха. Однако до этого дело не дошло, потому что путешествие неожиданно закончилось. Приехали мы не куда-нибудь, а именно на нашу с Матвеем дачу. Меня пригласили войти, словно я была тут в гостях. Галантно придержали дверь. «Близнецы» остались на улице, а шофер вошел следом за мной в гостиную, расположенную на первом этаже. Он не снял ни каскетки, ни очков, так что я не видела его глаз. Мне казалось, что они должны быть равнодушными. Потому что всю дорогу этот тип насвистывал, словно вез на заднем сиденье не похищенную среди бела дня женщину, а пару ящиков пива.

В центре гостиной, заложив руки за спину, стоял худой человек в просторном льняном костюме и улыбался. На вид ему было лет сорок пять. Скуластое загоревшее лицо, две большие залысины на лбу, блеклые глаза и длинный горбатый нос, вно-



сивший в абсолютную симметрию немного приятного разнообразия.

— А вот и вы, Марина Александровна! — сказал он.

Я подумала, что незнакомец подает мне руку для знакомства, однако он протягивал удостоверение. Правда, подержать он мне его не дал, просто сунул под нос, совершенно, на мой взгляд, невежливо. Я только успела разобрать, что этот человек — сотрудник ФСБ, и заметила несомненное сходство фотографии с оригиналом.

Когда удостоверение исчезло в кармане его пиджака, я громко произнесла:

— Как к вам обращаться? Извините, не разглядела вашей фамилии.

— Моя фамилия Шлыков, — ответил незнакомец, продолжая улыбаться. — А обращаться ко мне можете по имени-отчеству: Константин Петрович. Извините за то, что мы так вот вторглись... Просто не хотелось вас пугать и везти в незнакомое место.

Он добавил в свою лучезарную улыбку немного жесткости и, указав мне на диван, уселся в любимое кресло Матвея.

— Что ж, давайте поговорим. Вы, конечно, догадались, что речь пойдет об очень ответственном и секретном деле.

Пока я догадалась только о том, что меня не собираются убивать, и на первое время этого оказалось достаточно для того, чтобы впасть в эйфорию. Именно поэтому улыбка Шлыкова в тот момент отразилась на моем лице, словно в зеркале.



— Нас интересует ваш шеф, Горчаков, — продолжал между тем человек из спецслужбы.

Моя улыбка тотчас пожухла и скукожилась, как сгоревшая бумажка. А Шлыков произнес:

— У этого парня кое-что неладно. И это «кое-что» заставляет нас беспокоиться.

Я думала, что готова ко всему, но, когда услышала фамилию Горчакова, растерялась. Он — мой идеал, мужчина из сновидений, за один поцелуй которого я готова сбегать на край света, — вляпался в какую-то историю, заинтересовавшую ФСБ. Сегодня на моих чувствах играли, словно на рояле, — трогая по очереди все имеющиеся в наличии клавиши. Мне показалось, что из комнаты улетучился воздух, и я стала хватать его открытым ртом.

Шлыков или не замечал моего состояния, или делал вид, что не замечает. «Ни в коем случае нельзя показать, что я влюблена в своего шефа», — подумала я и постаралась взять себя в руки.

— В сложных ситуациях приходится прибегать к услугам простых честных граждан, — продолжал Шлыков. — Поверьте, мы действительно просим пойти на сотрудничество только в самых крайних случаях. Сейчас именно такой случай.

— И что вам нужно? — сдавленным голосом спросила я.

— Нам нужна информация, — жестко ответил он.

Я не представляла, что у ФСБ могут возникнуть проблемы с добыванием информации. С другой стороны, я ведь не специалист в таких делах.



Черт их знает, как они это делают и какие препятствия встают у них на пути?!

— У вашего шефа есть специальные люди, наши бывшие сотрудники, которые мгновенно заметят и прослушку, и слежку. А мы не можем этого допустить.

Я кивнула. У Горчакова в самом деле состоял на службе некий тип по фамилии Крылов — скользкий, как кубик льда. Даже на вопросы о погоде он отвечал уклончиво и создавал впечатление фантома — то ли есть он, то ли нет.

— Ни Горчаков, ни его люди не должны даже заподозрить, что за ними наблюдают. — Слова Шлыкова сильно смахивали на инструкции, и я невольно сосредоточилась. — Мы просим вас, Марина Александровна, проявить высокое гражданское сознание и оказать нам посильную помощь.

— Но я не могу, — пробормотала я.

— Посильную, — еще раз повторил он. — Никто не требует от вас подвигов разведчика.

— Что же я должна сделать?

— Всего-навсего обратить внимание на всякие мелочи: когда Горчаков появляется на работе, когда уезжает, с кем. Кто ему звонит в течение дня. О чем идет разговор. Нас интересует все: его контакты, служебные и личные, семейная жизнь, деловые планы.

— Но я всего лишь девушка из приемной! — горячо возразила я.

Конечно, я лукавила. Шлыков знал, к кому обращаться. Я могла стать отличным источником информации.



— Марина Александровна, мы не обсуждаем сейчас ваши возможности. Ибо отлично осведомлены о них. Мы даем вам задание государственной важности.

Возле двери зашевелился шофер, про которого я совершенно забыла. Он по-прежнему был невозмутим и безмолвен.

— Это Егор, — кивнул в его сторону Шлыков. — Он будет на связи. Если что, мы позвоним вам домой или в офис.

Шлыков повернулся к своему молодому подчиненному и выразительно повел бровью. Тот неохотно стянул с себя очки и каскетку. Вероятно, это было сделано для того, чтобы в следующий раз я узнала своего связного. Физиономия у него оказалась абсолютно заурядной — о таком ни за что не вспомнишь, даже если просидишь напротив него в электричке часа полтора. Что ж, наверное, это их фирменный стиль. Не зная, что сказать в ответ на своеобразный стриптиз Егора, я быстро кивнула. Он никак не прореагировал.

— По вечерам, — продолжил Шлыков, уверившись, что я рассмотрела его парня, — вы будете заезжать на Казанский вокзал и отдавать нашему курьеру сведения. Пусть, на ваш взгляд, это будут ничего не стоящие мелочи. Мы сами разберемся, что важно, а что нет. Договорились?

— Мне надо будет все записывать? — спросила я, расстроившись окончательно.

«Может быть, есть хоть какая-то возможность отказаться от столь почетного задания? Сейчас